

КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В УСАДЬБАХ МЕЛКОПОМЕСТНЫХ ДВОРЯН ДОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА*

И.В. Истомина

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается положение крепостных крестьян в мелкопоместных усадьбах и их взаимоотношения с помещиками. Большое внимание уделено разнице в судьбах крепостных крестьян в имениях мелкопоместных помещиков и крупнопоместных.

Ключевые слова: крепостные крестьяне, мелкопоместные дворяне, мелкопоместные усадьбы.

THE PEASANT SERFS IN THE LANDED GENTRY MANORS IN PRE-REFORM PERIOD

I.V. Istomina

Belgorod National Research University

The article deals with the position of the serfs in the petty estates and their relationships with land-lords. Much attention is paid to the difference in the fate of the serfs on the estates petty landlords and krupnopomestnyh.

Key words: the serfs, the landed gentry, the landed estates.

Различные мировоззренческие принципы и сословные ценности в крупных стратах дворянства и в семьях мелких помещиков закладывались с детства. В дореформенный период в богатых помещичьих семьях с крестьянами дети почти не общались: те жили отдельно, в деревне, и появлялись на господском дворе лишь по праздникам или в каких-то особых случаях. В деревню детей водили (а чаще возили) достаточно редко. Но наиболее тесные связи возникали у дворянских детей с обитающими в доме и усадьбе крепостными - дворовыми людьми, которые и были для них главными представителями «народа». Богатые дворянские семьи, как правило, отличались высокой культурой и детям запрещалось чванливо относиться к слугам, так как это нарушало понятие о дворянской чести. Как свидетельствовал граф М.Д. Бутурлин: «Не слыхал никогда, чтобы мой отец обозвал кого-нибудь (из прислуги) дураком. Вспылит бывало, но через две минуты все проходило и тут же подзовет для какого-нибудь приказания провинившегося человека: «Эй ты, голубчик, поди-ка сюда» всем им он говорил «голубчик». Боже избави, чтобы мы, дети, осмелились сказать бранное слово кому-нибудь, а если кто из нас поднял бы руку в запальчивости, то велено было этим же нам отплатить... Чваниться с прислугой строжайше было нам запрещено... но (слуги-И.И.) ни когда не забывались перед нами...»¹.

Чваниться перед прислугой и грубить ей было запрещено и в значительно более скромной по положению семье Шеншиных. «Всякая невежливость с моей стороны к кому-либо из прислуги не прошла бы мне даром», - вспоминал А.А. Фет². Конечно были и исключения в семьях богатых самодуров, но правила хорошего тона запрещали крик и оскорбления в адрес слуг.

В мелкопоместных семьях все было наоборот. Территориальные мизерные рамки мелкого поместья, нередко в несколько десятин, не позволяли крепостным крестьянам иметь свое личное пространство, как в крупных поместьях. Мелкие помещики очень часто жили под одной крышей со своими крестьянами, а окружающая бытовая среда была далека от дворянских культурных ценностей. В качестве подобного примера приведем описание имения помещиков Савенковых из Щигровского

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6. 2922. 2011 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX века (проблемы социальной адаптации)» выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

уезда Курской губернии, расположенное в деревне Белый Колодезь. В 1842 г. площадь земельных угодий насчитывала 27 дес. пашни, 2 дес. усадебного места и конопляника и 0,5 дес. хворостного и строевого леса, а крепостное население состояло из одного работника мужского пола. Строение было представлено «жилым домом об одной комнате, разного леса, с потолком дощатым, без моста (т.е., видимо, без пола) с кирпичной печью, людской избой и тремя пунями. Обстановка дома состояла из двух икон, стола с ящиком и двух стульев»³. Низкий культурный уровень мелкопоместных владельцев, в совокупности с помещичьим традиционализмом и постоянным непосредственным контактом с крепостными, приводило к включенности помещичьих детей к эксплуатации своей «крещенной собственности». Сводилось это к передаче распоряжений, контрольным функциям и т.д. То есть, воспитательная среда была совершенно иной, чем в крупнопоместных имениях.

Небольшое количество крепостных у мелкопоместных владельцев компенсировалось большей их эксплуатацией в сравнении с хозяйствами крупного дворянства. Об этом прямо говорится в отчете курского губернатора накануне отмены крепостного права: «Отношение помещиков к крестьянам благоразумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то за некоторыми исключениями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно, т.к. образование у них менее развито»⁴.

Важным условием развития земледелия в дворянских хозяйствах была обеспеченность помещичьих имений удобной для возделывания земель. Но количество земли, занятой под помещичьими запашками, зависело не столько от общей обеспеченности имений землей, сколько от распределения земли между помещиками и крестьянами. Господская запашка в Воронежской губернии составляла 303 906 дес. (34,1%), крестьянская – 585 772 дес., в Курской губернии земли в господской запашке – 375 129 дес. (36,7%), в крестьянской – 645 593 дес.⁵ Такое соотношение во многом определялось распределением пахотных земель в латифундиях (свыше 10 тыс. дес.), где практически вся пахотная земля находилась в крестьянской запашке.

В имениях средних и крупных помещиков повсеместно господствовала хозяйская запашка. Отсутствие сведений по хозяйствам мелкопоместного дворянства не позволяет сделать определенный соответствующий вывод, хотя просматривалась четкая тенденция, чем меньше хозяйство, тем там больше господская запашка.

Система хозяйства в дворянских поместьях была связана с характером эксплуатации крестьян в них (см. табл.1.).

Табл. 1. Крестьянство по формам эксплуатации в дворянских хозяйствах (в %)⁶.

	Губерния	Оброчные	Барщинные	На смешанной повинности
1.	Воронежская	23,4	46,8	23,4
2.	Курская	15,5	61,2	23,3

Основная масса крестьянства в дворянских хозяйствах находилась на барщине. На уездном уровне соотношение форм эксплуатации приближалось к общегубернскому показателю. Исключением являлись Воронежский, Землянский уезды в Воронежской губернии и Курский уезд одноименной губернии, где концентрация барщинных крестьян была свыше 90%⁷.

Подсчет количества дворянских имений по формам эксплуатации затруднен отсутствием соответствующих сведений по владениям мелких помещиков. Тем не менее, исследователи отмечают, чем меньше в поместьях земельный фонд, тем более там распространена барщинная система. Но в рамках Центрального Черноземья, на губернском уровне, существовали в данном аспекте заметные отличия. Дело в том, что средний душевой надел крестьян в поместных хозяйствах был выше в Воронеж-

ской губернии по оброчным имениям на 3 дес. 2 197 саж., в барщинных хозяйствах - на 1 879 саж. меньше. Эта тенденция наделения крестьян землей была характерна для всего региона, за исключением Курской губернии, где более высоким крестьянский душевой надел был в барщинных хозяйствах - 2 дес. 2028 саж., что было на 1 540 саж. больше, чем в оброчных имениях⁸. По мнению Л.В. Милова, размер барской запашки превышающий 2 дес. на ревизскую душу был чрезвычайно высоким⁹.

Таким образом, можно предположить, что в курских мелкопоместных хозяйствах существенно доминировала барщина, а в воронежских мелких дворянских хозяйствах, хотя вероятно преобладала барщина, но и оброк и смешанная повинность широко присутствовали.

Ситуация была осложнена тем, что мелкопоместные помещики нижних подгрупп своей страты и их крепостные нередко проживали под одной крышей господской усадьбы, разделенной несколькими стенами на «господскую» и «холопскую» части и, в этом случае, у крепостных не было удаленного личного пространства от помещика, который контролировал каждый шаг своих немногочисленных крепостных. Если крепостных было около двух десятков ревизских душ, и они проживали отдельно от своего помещика, то все равно, в отличие от помещиков верхних страт, со значительно большим числом крепостных, мелкопоместный помещик имел реальную возможность прямого и постоянного контроля за всей сферой жизнедеятельности своих крепостных, замкнутых в рамках небольшого мелкопоместного имения.

Хотя здесь нельзя отрицать и влияние низкого образовательного уровня у представителей «дна» дворянского сословия, но это не имело основного значения. Хозяйственный опыт мелкопоместных дворян подсказывал им, что в случае природных аномалий (засуха, поздние весенние заморозки и т.д.), которые были не редкостью, наибольший урон несут владельцы нескольких десятин. Они не имели, в отличие от владельцев крупных хозяйств, возможности компенсировать потери сбором оставшегося урожая с больших площадей. Другими словами, в указанной ситуации, мелкопоместный хозяин оставался вовсе не с чем. Отсюда он стремился интенсифицировать труд крепостных, чтобы провести определенный цикл сельскохозяйственных работ в максимально возможные сроки. С другой стороны, в мелкопоместных хозяйствах и крестьянские наделы были мизерными (в случае если их не переводили на месячину), что позволяло использовать оставшееся свободное время крестьян на господской запашке. Нельзя сбрасывать со счетов и стремление мелкопоместных владельцев разорвать, путем жесткой интенсификации крестьянского труда, замкнутый круг натурального хозяйства для реализации своих личных потребностей, когда на рынок поставлялся необходимый продукт из крестьянских подворий.

Все вышесказанное подтверждает С.Н. Терпигорев (С. Атава) в своем знаменитом цикле «Оскуднение», показывая яркие картины из жизни тамбовских мелкопоместных дворян: «Надо вообще принять за аксиому, что чем мельче был помещик, тем хуже и тяжелее жилось его мужикам. И это совершенно верно и совершенно понятно: сто душ, конечно, могли легче прокормить своего барина, чем сделать то же самое десять душ. Мне могут возразить, пожалуй, что у богатого и затей было больше, чем у мелкотравчатого, и что поэтому он высасывает из мужиков столько же, сколько и мелкотравчатый; но этого, т.е. того же точно высасывания, не могло быть и не было на деле уже по одному тому, что крупный не стоял никогда так близко к домашнему обиходу мужика, как мелкий. Опять оговариваюсь: я имею в виду большинство, а вовсе не исключения. Эта близость мелкого помещика к домашнему обиходу мужика была для этого последнего тем невыносима, что он у него был весь на виду: он от него ничего не мог уберечь и схоронить. Каждая овца, каждая курица была известна барину и дразнила его аппетит... Я насмотрелся слишком достаточно примеров того и другого, и глубоко убежден в справедливости своих слов. Я, например, никогда не забуду тех сцен, на которые я насмотрелся у моего соседа из мелко-

травчатых, Запупырина. Едим, бывало, мимо и чуть не всякий раз натыкаемся на какую-нибудь глубоко-возмутительную историю. Раз я видел такую драму из-за овцы, что никогда ее не забуду. Запупырин облюбывал овцу у своего мужика Ермолая (у него было восемь душ и жили они в двух дворах), к чему-то придрался и, в виде штрафа, решил отнять у него овцу»¹⁰. Терпигорев сам был выходцем из поместной среды и прекрасно знал нравы и хозяйственную деятельность местных помещиков, изображая в своих очерках их обобщенные образы.

Подобные высказывания в адрес мелкопоместных дворян имели под собой не только отражение региональной специфики. Н.Ф. Дубровин в целом дает характеристику мелким помещикам России 1-й пол. XIX в.: «...мелкопоместные составляли язву России: всегда порочные, ропщущие, но желающие жить выше своих средств, мучили своих крестьян нещадно»¹¹.

Реальные доходы у мелкопоместных владельцев не всегда были связаны с сельскохозяйственным производством, продажей от кустарных промыслов или от животноводства. Часто, как отмечали современники, важной статьёй доходов для них становилась «продажа» в рекруты своих крепостных, иногда всех до последнего потенциальных работников. С.Н. Терпигорев отмечал по этому поводу, относительно мелкопоместной помещицы Людмилы Васильевны: «У нее было всего две семьи. Одна семья состояла из отца и двух сыновей, другая – из отца и трех сыновей. И всех их, т.е. этих сыновей, она одного за другим продала в солдаты. Тогда это делалось очень просто и легко. Надо какому-нибудь кабатчику-мещанину сдавать сына в рекруты. Отдавать его ему жаль, деньги есть, он и идет к мелкопоместным дворянам покупать рекрута. Мелкопоместные все более или менее занимались этим, но Людмила Васильевна превзошла, кажется, их всех на этом поприще. Приезжает к ней такой покупатель, она сторговывается с ним, он высматривает свою жертву, дает задаток, если сладились в цене, и затем происходит такая процедура. Людмила Васильевна дает «обреченному» отпускную, которая, однако, пока не свидетельствуется и не утверждается судом. Обреченный едет с мещанином в город, в рекрутское присутствие, там заявляет, что идет по вольной охоте за сына такого-то, его принимают и одновременно утверждают отпускную. Подобные комбинации никогда не расстраивались в силу того обстоятельства, что «обреченный» очень хорошо знал, что если он заартачится, она все равно сдаст его в рекруты, продав в казну (казна выплачивала 600 руб.), и он ничего не получит; теперь же он получал «наградных» рублей двадцать пять и кроме того несколько дней пил и кутил на счет мещанина-покупателя... Я помню очень хорошо рассказы соседей, как, распродав таким образом свои души, она начала подписывать себе еще несколько семейств, само собою разумеется, опять таки с той же целью... Сколько она ни хлопотала и ни искала, никто ей не продал ни одной семьи, и уж она насилу достала где-то в Рязанской губернии опять-таки старика отца с тремя сыновьями. Она не успела их пока лечить:- 19-е февраля положило конец этому ужасу»¹².

Примечательно, что в отношении подобных «финансовых операций», Терпигорев подчеркивает: «Мелкопоместные все более или менее занимались этим». То есть, в помещичьей среде это было распространенным явлением и именно в имениях мелких помещиков. В отличие от средних и крупных помещиков, «мелкотравчатые» имели меньше вариантов получения доходов в короткий срок и относительно большого размера. Поэтому «продажа» крепостных в рекруты, хотя и не являлась чистой с точки зрения закона, но приносила относительно неплохой доход, а главное, без серьезных хозяйственных хлопот.

Но, при любых обстоятельствах, мелкопоместные делали все, что бы не отставать от своих более состоятельных собратьев и они старались во всем показать свой достаток и свое «благородство»: заводили экипаж, одежду подороже, своего кучера, дворецкого и т.д. Безусловно, эти причуды не могли не сказываться на их крепостных. М. Салтыков-Щедрин писал об этом так: «Появилось раздолье, хлебосольство,

веселая жизнь. Поэтому, ради удовлетворения целям раздолья, неустанно выжимался последний мужицкий сок, и мужики, разумеется, не сидели, сложа руки, а кишели как муравьи в окрестных полях... Непосильною барщиной мелкопоместный крестьянин до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его в толпе других крестьян. Он был и испуганнее, и тощее, и слабосильнее, и малорослее. Одним словом, в общей массе измученных людей был самым измученным. У многих мелкопоместных мужик работал на себя только по праздникам, а в будни - в ночное время. Так что летняя страда этих людей просто-напросто превращалась в сплошную каторгу»¹³.

Еще более яркое представление об участии крепостных в мелкопоместных хозяйствах дает народный фольклор. В это время получают широкое распространение пословицы: «Господской работы не переработаешь», «Коли паны ликуют, тогда мужики без хлеба тоскуют», «Мужицкими мозолями бары сыто живут», «Нужда учит, а барщина мучит»¹⁴. Из этих пословиц ясно, что крепостным жилось очень тяжело и что барские замашки проступали кровавым потом на их спинах. Но иногда помещики настолько доводили своих крепостных, что те могли дать отпор. Если рассматривать дальше пословицы того времени, то в глаза бросаются следующие: «Мужик-дурак: ты его кулаком, а он тебя топором», «Мужик не ворона, у него есть и оборона!»¹⁵.

Примером могут служить массовые волнения крестьян в 1850 г. «В Курской губернии волнение крестьян Путивльского уезда, возникшее также по случаю начатого ими неосновательного иска о свободе, распространилось между несколькими имениями в количестве 10 000 душ, и для усмирения их употреблено было 4 эскадрона кавалерии и 60 человек нижних чинов внутренней стражи»¹⁶.

Еще один яркий пример дерзкого поступка крепостных по отношению к своему помещику был совершен в Орловской губернии в 1850 г. «...четверо людей малоархангельского помещика капитана Акатова высекли своего владельца ремненным арапником, дав ему до 30 ударов, о чем, являсь к штаб-офицеру Корпуса жандармов, объявили сами, показав при том, что вынуждены были к этому поступку жестоким обращением с ними своего владельца, что также по следствию не подтвердилось»¹⁷.

Даже убийства не были в это время редкостью. Из извлечений из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836-1856 гг. следует: «В минувшем 1849 г. крестьяне лишили жизни четырех помещиков и трех управляющих имениями и покушались на жизнь 5 владельцев. Во всех случаях, на основании циркулярного подписания министра в.д. начальникам губерний (от 14 июля 1842 г.) независимо от полицейского исследования о самом происшествии, производилось дознание через губернского предводителя дворянства и жандармского штаб-офицера, собственно о причинах, побудивших крестьян к таким преступлениям, каковое дознание и представлялось на рассмотрение министерства»¹⁸. Приведем некоторые примеры. В Полтавской губернии миргородский помещик Трушечников убит тремя крестьянами жены своей, при участии трех крестьян собственного его имения, находившимся в пьяном виде, без предварительного умысла их, во время ссоры, к которой сам помещик подал повод, будучи также нетрезвым. В Витебской губернии дворовая девка помещика Борщевского бросила яду в кушанье господ своих, от чего сам владелец умер, семейство же медицинскими мерами спасено. Причина, побудившая совершить означенное преступление, по следствию еще не обнаружена¹⁹.

Приведенные выше примеры относятся больше к среднепоместным дворянам, но и в имениях мелкопоместных волнения, грабеж и убийства помещиков не было редкостью. Здесь накал межличностных страстей, в рамках мизерного поместья, был еще выше.

Примечания:

1. Бокова В. *Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей.* М., 2010. С. 68-69.
2. Там же.
3. ГАКО. Ф.59. Оп.2. Д.3213. Л. 3-3 об., 14 об.-15.
4. РГИА. Ф.1281. Оп.6. Д.64. Л. 56.
5. *Объяснение статистических сведений о количестве крестьян и земель в 25 велико-русских губерниях // Сельское хозяйство.* 1861. Т.2. Ч.1. С.190.
6. Литвак Б.Г. *Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861-1895 гг.* М., 1972. С. 77.
7. *Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния.* Т.1. Подсчитано нами И.И.
8. Михалевич В. *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Воронежская губерния.* СПб., 1862. С. 177; Скребицкий А. *Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, 1866.* Т.3. С. 1286-1287.
9. *История России XVIII-XIX веков./ Под ред. Л.В. Милова.* М., 2006. С. 388.
10. Терпигорев С.Н. (Атава С.) *Собрание сочинений.* Т.1. Ч.1. С. 311-312.
11. Дубровин Н.Ф. *После отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века). Наши мистики-сектанты.* СПб., 2009. С. 55.
12. Терпигорев С.Н. (Атава С.). *Указ. соч.* С. 314-316.
13. Тарасов Б.Ю. *Россия крепостная.* М.: Вече, 2011- С. 102-103.
14. Бродский Н.Л. *К воле крепостное право в народной поэзии.* М.: Книгоиздательство «Польза», 1911. С. 155-156.
15. Там же. С. 156.
16. *Материалы для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836-1856 гг.* М., 2010. С. 179.
17. Там же. С. 184-185.
18. Там же. С. 182.
19. Там же. С. 183.

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕКУНОВ НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СИРОТАМИ
В КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.***

Е.П. Мерко

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье рассматривается регулирование деятельности опекунов над несовершеннолетними сиротами. Опекуны при распоряжении сиротским имуществом обладали большим количеством обязанностей, чем прав. В своей деятельности опекуны должны были опираться на статьи гражданских законов и указания Сената. При отчуждении имущества, принадлежащего сироте, опекун должен был получить разрешение опекунских органов.

Ключевые слова: правовое регулирование деятельности, сироты, продажа имущества, статьи закона, решения и постановления Сената, опекунские учреждения.

**THE EVOLUTION OF THE LEGAL REGULATION OF MINOR ORPHANS'S
GUARDIANS IN THE LATE XIX – EARLY XX C.**

E.P. Merko

Belgorod National Research University

*Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 6. 2922. 2011 «Исследование специфики формирования нового социального статуса у представителей различных сословий провинциальной России в 60-90-е гг. XIX века (проблемы социальной адаптации)» выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.